

Однажды утром Лун Юй снова проспал. Лавку он открыл лишь к полудню, но, едва выглянув наружу, сразу почувствовал неладное. По переулку Юньшуй двигался отряд стражников, обходя дом за домом для переписи. Местные жители, и без того не отличавшиеся кротким нравом, встречали их с явным раздражением — ответы летели один резче другого. Слуги закона, привыкшие к подбострастию, быстро вышли из себя, и вскоре обычная регистрация превратилась в череду перепалок.

Переулок Юньшуй испокон веков считался местом беспокойным. Попытка влезть в каждую семью и перетряхнуть грязное белье вызвала у мужчин, и так недолюбливавших столичные порядки, волну негодования. Не будь у стражников в руках обнаженных клинков, дело наверняка дошло бы до драки.

— Молодой хозяин, что-то ты сегодня припозднился! — в лавку, посмеиваясь, вошел Ли-гээр с пустым кувшином в руках.

— Если я не встану, где же ты будешь вино брать? — беззлобно отозвался Лун Юй.

— Как обычно, плесни мне кувшин «сяошао», — Ли-гээр поставил посуду на прилавок.

— Крепкое оно слишком, только желудок жечь. Давай-ка я сегодня тебя кое-чем другим угощу, за мой счет, — Лун Юй достал небольшую запечатанную бутылку, вскрыл её и налил гостю полную пиалу. — Попробуй, как тебе?

Жидкость была желтовато-белой, тягучей и источала тонкий, чистый аромат.

— Что это за вино? — Ли-гээр поднес пиалу к губам и сделал глоток.

Напиток оказался мягким и ароматным, с приятной сладостью, которая не приторным грузом ложилась на язык, как фруктовые настойки, а освежала. И, что самое главное, горло он не обжигал, в отличие от привычного «сяошао».

— Пей помедленнее, оно коварное, быстро в голову бьет, — Лун Юй мягко остановил его, когда тот потянулся за добавкой. — Это сладкое рисовое вино. Я вообще-то хотел сделать лаоцзао, да забыл про этот кувшин, вот он и перебродил. Считай, подарок.

— Лаоцзао? — Ли-гээр в недоумении склонил голову набок.

— Еда такая, — не стал углубляться в объяснения Лун Юй.

— А ты еще будешь такое варить? — Ли-гээр явно оценил новинку.

— Буду, уже поставил новую порцию, — кивнул хозяин лавки.

— Тогда я первый в очереди! — рассмеялся Ли-гээр. Он любил выпить, но фруктовые вина не жаловал, а из крепких признавал только «сяошао», от которого, правда, по ночам мучила изжога. С этим же рисовым вином таких проблем явно не предвиделось.

— Идет, а этот кувшин забирай сейчас.

Ли-гээр бросил взгляд на улицу и поморщился:

— Я пока здесь побуду, а то там, снаружи, невесть что творится. Кстати, а где твой благоверный?

— Захотелось мне сладостей из «Цилунчжая», вот он с утра пораньше за ними и отправился, — ответил Лун Юй и подозвал крутившегося у порога мальчишку. — Сяо Чжу-эр, иди-ка сюда.

— Чего желаете, господин лавочник? — подбежал к нему сорванец лет семи.

Лун Юй зачерпнул из лотка горсть леденцов и протянул ребенку:

— Сбегай в закусную «Синлун» и скажи, что мне нужно несколько закусок к вину и тарелка пряной говядины. И передай мастеру Вану, что Ли-гээр сейчас пьет у меня. Ступай.

— Понял! — крикнул малец и припустил к выходу.

— Это ты к чему сейчас? — Ли-гээр подозрительно покосился на Лун Юя.

— Ну и простофиля же ты, — фыркнул тот. — Человек ради тебя на рожон лезет, а ты до сих пор не понял, что он на тебя глаз положил?

— Не носи чепухи, — буркнул Ли-гээр.

— Давай поспорим: сейчас Ван Юфу сам примчится с подносом, — Лун Юй хитро прищурился.

Ли-гээр только закатил глаза:

— Красотой я не блещу, дом у меня — одно название, развалюха. Если бы такие мужики кем и интересовались, так только кем-то вроде тебя.

— И какой же я? — Лун Юй подпер голову рукой. В этом случайном жесте сквозило небрежное, почти кошачье изящество.

— Красивый, работающий, с характером, — начал перечислять Ли-гээр.

— Ты забыл добавить — с вредным характером, — Лун Юй прикрыл глаза, пряча смешинки. — Это всё Яи меня избаловал. В жизни ведь главное — чтобы люди друг другу подходили, а не красота.

— Всё равно... такой, как он, на меня и не взглянет, — глухо отозвался Ли-гээр. Он понимал: владелец такой крупной лавки в переулке Юньшуй — человек непростой, куда уж ему, бедняку, до него.

Лун Юй лишь загадочно улыбнулся. И действительно, не прошло и четверти часа, как на пороге показался сам хозяин закусочной Ван Юфу. Рослый, крепко сбитый, с добродушным лицом, он лично нес короб с едой, а за ним вприпрыжку бежал Сяо Чжу-эр.

— Вот ваши блюда, молодой хозяин, — Ван Юфу широко улыбнулся.

— Благодарю. Сколько с меня? — Лун Юй отсчитал монеты и, приняв заказ, плеснул в пиалу сладкого рисового вина. — Попробуй, новая партия.

Ван Юфу уже хотел было вежливо отказаться, как вдруг Ли-гээр негромко проворчал, обращаясь к Лун Юю:

— Это же моя пиала, я из неё пил, как ты можешь...

Он не успел договорить. Ван Юфу, услышав это, мигом перехватил чашу и осушил её одним глотком.

— Доброе вино! — он уставился на Ли-гэера таким прямым и горячим взглядом, что тот невольно заерзал на месте.

Лун Юй тем временем достал закуски, разрезал пышную булку, вложил внутрь добрый кусок говядины и протянул мальчику:

— Держи, Сяо Чжу-эр, угощайся.

— Спасибо, господин лавочник! — мальчик с готовностью вцепился в угощение, жмурясь от удовольствия.

В переулке Юньшуй хватало сирот — брошенных детей, не знавших ни отца, ни матери. Здесь был приют, дававший им крышу над головой, но кормили там скудно: две чашки пустой похлебки в день. Малыши с ранних лет приучались бегать на посылках за еду. Иногда бездетные пары брали кого-то из приюта на воспитание, надеясь на стакан воды в старости.

Ли-гээр, глядя, как мальчик жадно глотает мясо, почувствовал, как сжалось сердце. Он нежно погладил ребенка по голове. Мальчик поднял на него непонимающий взгляд.

— Сяо Чжу-эр... — тихо позвал Ли-гээр. — Хочешь быть моим сыном? У меня дома всегда найдутся мясные пампушки, голодать не будешь.

Ребенок широко раскрыл глаза. Он с трудом проглотил кусок и переспросил:

— Правда? Ли-гээр хочет меня забрать?

— Правда. Будешь носить мою фамилию, согласен? — мягко спросил он.

Мальчик не успел ответить — вмешался Ван Юфу:

— Не пойдет. Раз уж на то пошло, фамилия у него должна быть Ван.

— А тебе-то какое дело! — огрызнулся на него Ли-гээр.

— Когда заключим союз, дело будет общим, — серьезно отрезал Ван Юфу. — Я хочу стать твоим мужем.

Лун Юй прикрыл лицо ладонью.

«Никакой романтики, никакой деликатности... Рубит сплеча. Впрочем, если вспомнить Яи, который просто берет свое, этот еще очень даже вежлив!»

Ли-гээр застыл, во все глаза глядя на мастера Вана. Когда до него дошел смысл сказанного, он мгновенно вспыхнул, а уши его заалели так, будто их опалило огнем. Подхватив Сяо Чжу-эра на руки, он, не говоря ни слова, бросился вон из лавки.

Ван Юфу остался стоять как громом пораженный.

— Ну чего замер? Догоняй! — прикрикнул Лун Юй.

Ван Юфу наконец опомнился и вихрем устремился следом. Лун Юй лишь покачал головой:

«Сообразительность — беда, обходительность — тоже беда, да еще и смелости не хватает. Взял бы пример с моего Яи — просто набросился бы, и все вопросы решены».

Он, кажется, напрочь забыл, что тем самым «объектом», на который набрасывались, был он

сам...

Лун Юй откупорил бутылку «Сна длиной в тысячу лет». Густой, благородный аромат мгновенно заполнил комнату. Он налил прозрачную, как слеза, жидкость в крохотную чарочку. Кто бы мог подумать, что за этой чистотой скрывается такая обжигающая крепость? Он вдохнул аромат вина и довольно улыбнулся.

«Торопиться некуда. Вот принесет сладости — тогда и выпьем».

\*\*\*

Тем временем Яи в лавке «Цилунчжай» рассматривал прилавки, едва сдерживая раздражение под непрерывную болтовню приказчика.

— Молодой господин, верно, для супруги выбираете? У нас лучший выбор в столице! Вот, возьмите розовое печенье — сладкое-сладкое! А цукаты какие? Вам сколько взвесить? А может, вот это...

— Довольно, — Яи жестом заставил его замолчать. — Дайте три лян засахаренной сливы, цзинь молочного печенья, пол-цзиня леденцов с черносливом, порцию пастилы с османтусом, порцию арахисовых козинаков и пол-цзиня кунжутной халвы. Сколько с меня?

Приказчик на миг опешил: покупатель не взял ничего из предложенного, но заказ сделал внушительный. Он быстро собрал свертки и выпроводил гостя. Вслед уходящему Яи он смотрел с недоумением — обычно такие сладости покупали женщины для своих мужей или наложников. Неужто этот статный красавец всё это съест сам?

Пока приказчик гадал, Яи уже спешил обратно. Пару дней назад Лун Юй выставил его за дверь — и, надо признать, проявил при этом недюжинную суровость, пустив в ход даже защитные массивы. Яи пришлось изрядно потрудиться, задабривая своего ненаглядного, и лишь вчера, под предлогом покупки любимых лакомств, ему позволили вернуться в спальню. После бурной ночи он, как и обещал, покорно отправился за покупками, понимая: если не принесет сладостей, путь в покои ему будет заказан надолго.

Вспомнив утренний вид своего «цин-циня» — растрепанного, злого, пытавшегося спихнуть его с кровати, но слабеющего в ногах после их забав, — Яи почувствовал, как в груди снова разгорается жар. Он прибавил шагу. Ему хотелось перенестись мгновенно, но на оживленных улицах было слишком много глаз, а укромное место искать не хотелось.

Вдруг за спиной раздался резкий окрик:

— Эй ты, мужчина! А ну стой!

Голос был властным и капризным — так обычно изъясняются девицы из знатных домов, не знающие отказа. Яи, разумеется, и не подумал, что обращаются к нему. А если бы и понял, Владыка Преисподней вряд ли стал бы откликаться на столь неучтивый зов. Как говаривал Лун Юй: «На улице полно народу, мало ли кому кричат».

Принцесса Ли Гуй, видя, что человек даже не замедлил шаг, вспыхнула от гнева. Она выехала сегодня на прогулку без особой цели, просто скакала по городу, гадая, принесли ли результаты поиски. И вдруг в толпе мелькнул до боли знакомый силуэт. Ли Гуй сразу окликнула его, но человек проигнорировал её. Вспылив, она пришпорила коня, преградила Яи дорогу и, поигрывая хлыстиком, воззрилась на него сверху вниз.

— Я к тебе обращаюсь! Ты что, оглох? — возмутилась она.

Когда она видела его со спины, сердце её пропустило удар, но стоило ему обернуться, и принцесса замерла. Какое благородное, безупречное лицо! От него веяло спокойствием и силой. Несмотря на то, что Ли Гуй собиралась его отчитать, в её голосе невольно прорезались кокетливые нотки, будто она капризничала перед любовником.

Яи недовольно нахмурился. Он терпеть не мог смотреть на кого-то снизу вверх — исключение делалось только для Лун Юя.

— Людей кругом много. Откуда мне знать, кого вы зовете? — голос его был холоден и лишен малейшей почтительности.

Вместо того чтобы рассердиться, Ли Гуй почувствовала еще больший азарт. Она наклонилась к нему из седла:

— А ты смельчак! Знаешь, кто перед тобой? Как ты смеешь так со мной разговаривать?

— Вы загородили мне дорогу, — отчеканил он. Смысл был предельно ясен: «Кто ты такая — мне плевать, прочь с пути».

— Я принцесса Ли Гуй! Ты жизнью рискуешь, дерзя мне! — рассмеялась она, ничуть не обиженная.

Яи, видя, что она не собирается уезжать, просто обошел коня и зашагал дальше, выказывая полное пренебрежение к её особе.

«Какое мне дело до твоих титулов?»

Ли Гуй на сей раз действительно помрачнела. С самого детства она не встречала мужчины, который бы так с ней обращался.

«Уходишь? Ну-ну, посмотрим, куда ты денешься!»

Она резко дернула поводья и направила коня вслед за Яи.

«Монах может сбежать, но храм останется на месте! Попробуй только не вернуться домой!»

Яи даже не оглянулся. Он шел всё так же быстро, совершенно не заботясь о преследовательнице. Ли Гуй следовала за ним, не сразу заметив, что они углубились в переулок Юньшуй. Когда же она осознала, где находится, и огляделась по сторонам, она недовольно нахмурилась.

«Неужели он живет в таком захолустье? Неужто он из этих... никчемных?»

В душе шевельнулось разочарование, она брезгливо поморщилась, но поворачивать назад не стала. Прохожие провожали всадницу в богатых одеждах изумленными взглядами, но она смотрела только вперед. Наконец Яи остановился перед лавкой, над входом в которую висела вывеска с иероглифом «Крепость».

— Цин-цин, я вернулся! — раздался его радостный голос.

В этом возгласе было столько нежности и тепла, столько жизни, чего не было и в помине в разговоре с ней. На мгновение принцессе стало горько — это было новое, незнакомое чувство, жгучее, как ревность.

<http://bllate.org/book/17533/1703576>